

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 342.4(470+571)
ББК 67.400.11(2Рос)

КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Грачев Николай Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
Волгоградского государственного университета
grachev.n.i@mail.ru, trofimov@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье сделана попытка подвести итоги политико-правового развития России за двадцать лет, прошедших со времени принятия действующей Конституции. Дается критический анализ состояния политической и правовой системы страны. Определяются основные направления конституционного развития российского государства на основе традиционных для России социокультурных ценностей.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, конституционная идеология, социокультурные ценности, российское государство, конституционные ценности, государственный суверенитет.

Двадцатилетний юбилей российской Конституции – серьезный повод для подведения некоторых промежуточных итогов конституционного строительства в новой России и определения перспектив ее дальнейшего государственно-правового развития.

В наш век конституция любого государства вмещает в себя как национальный компонент, так и опыт мирового политико-правового развития. В момент своего принятия ни одна конституция не бывает свободной от господствующих в обществе ценностных установок и идеологических доктрин. Это в полной мере относится к Конституции России 1993 года. Она принималась в тот историчес-

кий период, когда «одной из наиболее распространенных иллюзий являлось представление о конституционализме как об универсальном, планетарном явлении» [8, с. 428]. Время быстро рассеяло эту иллюзию.

Конституционализм и конституция являются особенными правовыми феноменами, на основе и с помощью которых в Западной Европе и Северной Америке возник особый политический тип – правовое конституционное государство [3, с. 13]. Оно появилось на свет как итог длительной эволюции западной культуры, в результате вполне определенных, особенных условий ее исторического развития. Поэтому конституционализм, как политико-

правовая оболочка жизни западных государств, явление скорее уникальное, чем всеобщее. Он имеет свои необходимые предпосылки, сущностно укорененные в самом строе жизни западного государства и общества.

К таким предпосылкам относятся:

– *либерализм* в общественно-политической жизни, выражающийся в признании личной свободы высшей ценностью и противопоставляющий индивида обществу и государству;

– *капитализм* в качестве основы экономической жизнедеятельности общества, что привело к господству частной собственности, ее абсолютному приоритету над различными видами публичной собственности;

– *рационализм* мышления, что привело к десакрализации сознания, отрицанию религиозных ценностей и норм, экспансии и распространению секуляризованного индивидуального сознания на всю общественную практику;

– *позитивизм* в качестве основы мировоззрения, который отвергает возможность познания причин и сущностей явлений и сводит задачи науки (в том числе юриспруденции) лишь к их описанию.

Соответственно назначение конституции в буржуазной юридической науке сводится в основном к правовому ограничению государственной власти путем закрепления принципа разделения властей как высшей гарантии обеспечения прав и свобод индивида, в первую очередь права частной собственности. Отсюда проистекают самодовлеющий формализм западной правовой системы и основанный на нем механизм внешне демократической государственной власти, соблазняющий видимой простотой своей организации и создающий иллюзию своей легкоусвояемости государствами иных цивилизаций, где предпосылки такой организации сложиться не могли.

Нельзя сказать, что конституционная идеология и практика были вовсе чужды российской политической культуре. На протяжении двух последних столетий начиная с царствования Александра I тема Конституции постоянно присутствует в российском правовом дискурсе. Однако отсутствие необходимых и достаточных предпосылок объективного характера (что нельзя оценивать отрицательно, а просто необходимо принимать как данность) делало возможным развитие оте-

чественного конституционализма лишь при помощи постоянных заимствований и поддержке извне. Поэтому две его основные и не самые качественные черты – то, что он до сих пор выступает как идеология меньшинства и соответственно носит узкопартийный характер, так и не став общенациональным явлением. Следствием этого стало отсутствие общественного согласия в 1993 г. по вопросу об основных принципах социально-экономического и политического строя, которые должна была закрепить новая Конституция.

В это время в отечественной конституционной доктрине на базе огульного отрицания советского опыта господствующее положение получил «либеральный позитивизм, исходящий из предположения, что с помощью Конституции... можно произвольно устанавливать и менять государственный строй и природу российской государственности» [9, с. 424]. Поэтому в процессе работы над новой Конституцией ее текст подвергался все большей юридизации. Окончательный вариант Конституции, вынесенный на референдум, представлял собой малую «энциклопедию конституционной мысли» [8, с. 434], вобравшую в себя все «лучшее» из опыта либерально-правовой государственности. Это, однако, очевидным образом контрастировало с пренебрежительным отношением к отечественным политико-правовым традициям, социально-политическому и социально-культурному контекстам, а также вопросу о легитимности новой Конституции.

Победившие в октябре 1993 г. реформаторы не озадачились вопросом, насколько новая Конституция соответствует природе российского общества. Социально-политическая обстановка определялась жесткой борьбой, которая шла между различными общественными силами по поводу базовых принципов конституционного строя и в отношении которых консенсус так и не был достигнут. Это предопределило последовательность политических событий, связанных с принятием настоящей Конституции. Она была принята после вооруженного переворота, в результате использования колоссального административного ресурса со стороны органов власти всех уровней, сомнительным большинством голосов граждан, которые испытывали беспреце-

дентное воздействие со стороны средств массовой информации.

Вряд ли имеет смысл отказывать действующей российской Конституции в легитимности по перечисленным выше основаниям. Такой отказ является бесперспективным. Парадокс конституционной законности заключается как раз в том, что ее установление зачастую происходит неконституционными средствами, путем насильственного устранения существующего порядка и подавления альтернативных политических проектов. Речь в данном случае идет о другом.

Приходится констатировать, что ни в 1993 г., ни за прошедшие с той поры годы действующая Конституция Российской Федерации так и не стала формой достижения национального согласия между вестернизированной элитой и основной массой населения России, ее народом. «Конституция так и не была легитимирована всем обществом» [8, с. 451], а конституционализм, как политико-правовой срез господствующей идеологии, по-прежнему выступает средством понуждения широких масс к уважению чуждых им западных ценностей, которые продолжают выдаваться за общечеловеческие. Действующая Конституция так и не стала фактором стабилизации российского общества и его развития по новому пути, как это утверждает многими авторами, выдающими желаемое за действительное (см.: [1, с. 454; 10, с. 17–18]).

Либеральный романтизм 80–90-х гг. сыграл с нашей страной злую шутку. В настоящее время российское общество и государство все так же далеки от заявленных Конституцией целей, как и двадцать лет назад.

В экономической сфере результатом реформ стало не построение социально ориентированной экономики, выступающей основой «благополучия и процветания России» (Преамбула, ст. 8, 9, 34–36 Конституции РФ), а спекулятивный, паразитический капитализм полумafiaозного толка, превративший нашу страну в сырьевой придаток Запада. Господство праволиберальной экономической модели привело не к прыжку в постиндустриальное общество, а к деиндустриализации народного хозяйства, переходу из второго, вполне конкурентоспособного по международным меркам мира в третий мир. И только в последние годы в руковод-

стве страной стало возникать осознание необходимости реиндустриализации как важнейшего направления экономической политики на ближайшие 10–15 лет [4, с. 7].

Социальное государство, принцип которого закреплен в ст. 7 Конституции РФ, не только не построено, оно и не начинало строиться, и фактически движение идет в обратном направлении, так как из законодательства и правоприменительной практики устранено большинство социальных гарантий и достижений советского периода. В результате уровень неравенства и социальная пропасть между богатыми и бедными в России оказались таковы, что стали угрожать внутренней безопасности нашей страны, являясь непреодолимым тормозом ее развития (см.: [6, с. 2]). По социально-экономическим параметрам современная Россия представляет собой нечто среднее между классической страной третьего мира и либерально-буржуазным государством конца XVIII – первой половины XIX века.

Вряд ли кто из добросовестных исследователей станет утверждать, что за последние 20 лет в России был сделан существенный шаг на пути становления правового и демократического государства. Господство либеральной конституционно-правовой доктрины привело к существенной формализации действующего права и значительному разрыву между теорией и юридической практикой. Все это время Конституция России и ее правовая система не коррелировали друг с другом, существовали в разных плоскостях, находясь в состоянии разрыва, а то и конфликта. Это привело страну к состоянию правового кризиса, который носит всеобъемлющий характер, затрагивая все ключевые элементы правовой системы: правосознание, правотворчество, правоприменение, правосудие. И в обществе, и во власти сложилось сугубо утилитарное отношение к праву, исключительно как инструменту достижения собственных целей. В результате на стремление общества «жить по понятиям» власть все чаще отвечает правовым произволом [8, с. 454]. Однако в таких условиях происходит быстрая деградация правоохранительной системы, которая должна быть основным гарантом конституционных прав и свобод. Существенной деформации подверглась деятельность судебных

органов, которые так и не стали функционально независимыми. Но ведь принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ, в западной системе конституционно-правовых ценностей направлен в первую очередь на обеспечение самостоятельности именно судебной власти как основного правоохранительного института.

В тех социально-политических условиях, которые сложились в России в 90-е гг. XX в., принцип разделения властей оказался деструктивным. Уже к середине десятилетия система выборов, СМИ, парламент, правоохранительные органы и суд, система власти на местах оказались под контролем частных корпораций, а ряде случаев и криминальных группировок, выражали не государственные, общественные или региональные, а узкогрупповые, клановые интересы.

Поэтому верховная власть в лице президента и его администрации с начала 2000-х гг. оказалась вынуждена брать под жесткий контроль организацию и деятельность практически всех государственных институтов и структур, выстраивая новую «вертикаль власти», опираясь, по сути, на традиционный для России принцип единства государственной власти. И здесь необходимо остановиться на одной особенности Конституции 1993 г., которая делает ее в значительной степени работающей и реальной, несмотря на эклектичность содержания и радикальный либерализм основополагающих принципов. В организации верховной власти она, по существу, воспроизвела российский архетип сильной единоличной власти главы государства, к компетенции которого относится принятие всех ключевых политических и кадровых решений, что позволяет президенту в необходимых случаях мобилизовать весь государственный ресурс.

Повинуясь политической логике и опираясь на свои конституционные полномочия, Президент РФ в первой половине 2000-х гг. провел целый ряд реформ, которые спасли страну от распада и хаоса, но вряд ли соответствовали либеральным принципам и нормам первых двух глав российского основного закона. Путинские реформы сняли огромное социально-политическое напряжение, в котором находилась страна все 90-е годы. Однако не все они поддаются однозначной оценке,

что свидетельствует об их половинчатости и незавершенности.

В настоящее время политическая система российского государства характеризуется следующими характерными моментами: фактическим подчинением главе государства Федерального собрания – Парламента России, который по существу превратился в законсовещательный орган при Президенте РФ; лишением независимости судебных органов, которые находятся под контролем президентской администрации и региональной исполнительной власти; фактической унитаризацией политико-территориального пространства Российской Федерации при одновременном сохранении серьезных сепаратистских тенденций в ряде регионов России; отсутствием реальных демократических механизмов, когда принцип народовластия практически сводится к периодически повторяемым выборам и деятельности искусственно созданных и бюрократически организованных партий, не отражающих интересов широких народных масс, не сумевших стать каналами обратной связи между народом и властью и являющихся по сути квазиполитическими формированиями; отсутствием реальной почвы для парламентаризма и упадком доверия населения к избирательной системе.

В то же время реально сложившуюся практику государственно-правового строительства ни в коем случае нельзя рассматривать как «узурпацию власти Президентом» или «возрождение авторитаризма», как утверждают лидеры нелиберальной оппозиции. Доминирующие тенденции имеют глубинную опору в российской социокультурной среде. Инициатива по проведению реформ, вектор их направления были заданы именно снизу – как выражение устойчивых психологических установок со стороны широких народных масс. По сути дела тот политико-правовой режим, который сложился в России в начале XXI в., можно определить как плебисцитарную демократию. Ее основным содержанием выступает авторитарное правление главы государства, который избирается на всенародных выборах и в силу источника своих полномочий и личной харизмы возвышается и над всеми политическими силами, и над социально-экономическими интересами, что дает ему

возможность проводить политику в интересах всего народа, опираясь на широкую общественную поддержку. Именно такая политическая конструкция оказалась способной обеспечить на данном историческом этапе социально-политическую стабильность и государственную целостность России.

Таким образом, после 20 лет реформ реальный облик российской государственности и вся публичная жизнь России оказались весьма далекими от тех «совершенных образцов», которые рисует Конституция.

Развитию страны в направлении централизации власти, унитаризации ее политико-территориального пространства, формализации неразвитых демократических институтов способствуют также международная обстановка и геополитическое положение России в мире. Процессы глобализации, мировой экономический кризис, имеющий системный характер, экспансионистская внешняя политика США, которые демонстрируют себя как единственную сверхдержаву, международный терроризм ставят под угрозу не только государственный суверенитет России, но и само ее существование. И одним из инструментов ослабления и развала российского государства выступает идеология либерализма, на которой в основном и построена российская Конституция. Население России в своем подавляющем большинстве не принимает либерально-буржуазные ценности в том «чистом» виде, в котором они закреплены в Конституции. Попытки проведения их в жизнь в нашей стране, а следовательно, и реализация самой Конституции вызывают большие трудности (см.: [7]), которые носят вполне объективный характер.

Вновь, как и 20 лет назад, вопрос о конституционных ценностях оказывается в центре внимания политических элит и юридической общественности. Вновь, как и в начале 90-х гг., речь заходит о выборе пути конституционного развития России. И здесь можно выделить две основные тенденции (см.: [9, с. 425]).

Первая тенденция заключается в том, чтобы, не обращая внимания на неадекватность многих конституционных принципов и норм, продолжать внедрять их в политическую и правовую практику, развивая чисто формальный вектор Конституции. В области государственного строительства это с необхо-

димостью потребует усиления парламентарных начал в организации верховной власти – ограничение полномочий Президента РФ в пользу Федерального собрания, повышение самостоятельности правительства и другие шаги в сторону парламентарной формы правления. Представляется, что это тупиковый путь, не соответствующий природе и состоянию российской государственности. Сложно представить, как сложилась бы история нашей страны, если бы в 1993 г. была принята конституционная концепция Съезда народных депутатов, предусматривающая более мягкий парламентарно-президентский вариант организации верховной власти. В победе Б.Н. Ельцина в октябре 1993 г. видится непознаваемая парадоксальная логика истории, исходная посылка которой часто содержит в себе иной, далекий от изначальных замыслов ее авторов результат и интерпретационный смысл.

Вторая тенденция – это движение к преодолению западного конституционализма посредством постепенного возрождения обновленных форм традиционного государственного и правового порядка. Это возможно лишь через осознание собственных социально-экономических, политических и правовых ценностей, закрепление их в конституционном законодательстве, а также посредством адаптации заимствованных принципов, институтов и норм к российской социокультурной среде и их абсорбции на собственной духовной основе.

Реализация данной тенденции в конституционной практике связана с большими трудностями. Современное российское общество является во всех отношениях переходным. Необходимые социально-политические и правовые формы здесь еще не только не сложились, но в значительной степени и не проявились. Это предопределяет отношение к действующей Конституции.

В ближайшем обозримом будущем не имеет смысла ставить вопрос о разработке и принятии новой Конституции, хотя вопрос об этом поднимался в последние годы в политических кругах и научной литературе. В то же время дорожить действующей Конституцией нужно не потому, что «лучшей конституции в перспективе не может быть», как утверждает В.Д. Зорькин [5, с. 35], а потому, что еще не сложились определенные условия и пред-

посылки для принятия новой Конституции, основанной на традиционных для России цивилизационных ценностях и нормах. Не сложилась национально ориентированная политическая и административная элита, способная утвердить такие ценности и нормы в реальной жизни российского общества. Однако такое положение дел не должно означать неподвижность и неизменность настоящей Конституции. Ее концептуальное содержание необходимо постепенно менять по мере накопления в общественно-политической жизни соответствующих условий. Причем в силу чрезмерной жесткости действующей Конституции изменению в ней подлежит не текст, а смысл, и делать это лучше всего «через ее интерпретацию и толкование» Конституционным судом [5, с. 36–37]. Но поскольку Конституционный суд не является субъектом инициативы по вопросам толкования Конституции и конституционной законности, основная тяжесть по изменению смысловой парадигмы действующего основного закона ложится на президента и палаты Федерального собрания.

Новые смысловые интерпретации Конституции должны стать исходным пунктом начала развития собственного, самобытного российского конституционализма, не сводимого к ограничению власти правом, правам человека и гарантиям частной собственности. В отечественной теории конституционализма, в практике российского государственного строительства сущность Конституции может определяться только через назначение и основную цель государства, которые заключаются в сохранении, воспроизводстве, благополучии и процветании государствообразующего народа. Соответственно, назначение Конституции заключается в создании правовых условий для этого. Конституция России должна играть консолидирующую роль в государстве и обществе, объединять страну и народ не только политически, но духовно и нравственно. В этом может и должна состоять особая социально-культурная архитектура нашей Конституции, не исчерпываемая формальным признанием за ней высшей юридической силы. В объединяющей, консолидирующей роли Конституции, «ее способности быть юридической формулой национальной идеологии» [9, с. 428], отражающей этнополитические и духовно-нравственные цен-

ности государствообразующего народа, стать символом его общего сознания и заключается в XXI в. социальная сущность Конституции.

В рассматриваемой перспективе (впрочем, как и в ретроспективе) признание высшей ценностью человека, его прав и свобод совсем не вписывается в отечественную духовную и политико-правовую традицию. В своей речи на 10-й пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» 20 сентября 2013 г. Президент РФ В.В. Путин поставил вопрос о необходимости сохранения национальной идентичности, ее укреплении на основе единых ценностей, и назвал в качестве высшей среди этих ценностей Россию как особую цивилизацию, вокруг которой должно происходить объединение различных народов и наций евразийского пространства [2]. На наш взгляд, такой подход предполагает совершенно иное соотношение социально-политических и правовых ценностей, закрепленных в основах конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ), причем такого соотношения, которое имело бы обязательное нормативное значение.

Конституционный суд РФ, давая «общеобязательное, а следовательно, нормативное толкование Конституции» [5, с. 115], может при наличии соответствующего запроса установить официальную иерархию принципов, составляющих основы конституционного строя. Реальной основой нормативной соподчиненности этих принципов выступает их действительная значимость и приоритетность, проявляющиеся в процессе их практической реализации. Историческое существование России, в том числе и политическая практика последних двух десятилетий, наглядно продемонстрировали основополагающее значение в системе основ конституционного строя принципа государственного суверенитета (ст. 4 Конституции РФ), в котором максимально полно раскрываются назначение и цель российского государства. Международная обстановка с полной очевидностью показывает, что без реализации принципа государственного суверенитета во внешней и внутренней политике российского государства не только невозможна реализация всех других конституционных принципов, но и само существование России как самобытной культурно-исторической общности и социально-политической целостности [3, с. 16].

Духу отечественной правовой традиции будет соответствовать толкование принципа гуманизма (ст. 2 Конституции РФ) не как приоритета прав личности, с его однобокой акцентировкой на свободе, а в направлении обеспечения единства взаимных прав, обязанностей и ответственности личности и государства, где обязанностям и их исполнению придается не меньшее значение, чем правам (см.: [11]).

На наш взгляд, в подобной смысловой и содержательной интерпретации нуждаются практически все принципы действующей Конституции. Их толкование в таком социокультурном ключе, во-первых, позволит подготовить государство и общество к принятию нового основного закона, строящегося на обновленной национальной идеологии, а во-вторых, позволит уже ныне действующей Конституции постепенно утверждаться в качестве элемента российской и русской духовной культуры, синонима социального прогресса всех наций и народов, составляющих евразийскую цивилизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы конституционного права. Ч. 1 / под ред. В. П. Журавлева, А. Э. Черниковой. – СПб. : ИВЭСЭП, 2012. – 519 с.
2. Выступление Владимира Путина на заседании международного дискуссионного клуба

«Валдай». – Электрон. дан. – Режим доступа: portall.zp.ua/?c=video&q=Валдай. – Загл. с экрана.

3. Грачев, Н. И. Основы конституционного строя как общеправовые принципы / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 1 (18). – С. 12–18.
4. Гринберг, Р. С. Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России. Предисловие / Р. С. Гринберг // Постиндустриализм. Опыт критического анализа. – М. : Науч. эксперт, 2012. – С. 4–10.
5. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2007. – 400 с.
6. Кобяков, А. Социальная пропасть. Уровень неравенства в России: угроза безопасности и тормоз развития / А. Кобяков // Завтра. Август. – 2013. – № 34 (1031).
7. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В. О. Лучин. – М. : Юнити-Дана, 2002. – 687 с.
8. Пастухов, В. Б. Реставрация вместо Реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию / В. Б. Пастухов. – М. : ОТИ, 2012. – 528 с.
9. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – М. : Норма, 2010. – 672 с.
10. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – М. : Норма, 2005. – 320 с.
11. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма, 2007. – 384 с.

THE CONSTITUTION OF 1993 AND THE PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Grachev Nikolay Ivanovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Department of Civil and Arbitration Proceeding,
Vologograd State University
grachev.n.i@mail.ru, trofimov@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article attempts to summarize the political and legal development of Russia in the twenty years which have passed since the adoption of the current constitution. The author gives critical analysis of the political and legal system of Russia and defines the main directions of the constitutional development the Russian state based on Russia's traditional sociocultural values.

Key words: constitution, constitutionalism, constitutional ideology, sociocultural values, Russian state, constitutional values, state sovereignty.